

ЕВГЕНИЙ ИЛЬДЕЙКИН

Недавно прошел ДОЖДЬ

ЧАСТЬ 1

Евгений Николаевич Ильдейкин

Недавно прошел дождь. Часть 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=40649501

ISBN 9785449611567

Аннотация

Случайная находка старообрядческого архива изменила жизнь Павла Ольшанского. Старые знакомые открылись с неожиданных сторон. Новые знакомые показали неизвестные грани такого, казалось бы, привычного окружающего мира.

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	20
Глава 3	32
Глава 4	51
Глава 5	59
Глава 6	66
Конец ознакомительного фрагмента.	84

Недавно прошел дождь

Часть 1

**Евгений Николаевич
Ильдейкин**

Редактор Нина Викторовна Бурова

© Евгений Николаевич Ильдейкин, 2019

ISBN 978-5-4496-1156-7 (т. 1)

ISBN 978-5-4496-1157-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero
Екатеринбург, 1924 год.

Закончилась Гражданская война, образован СССР, развивается НЭП. Известны проигравшие, но они с этим не согласны. Есть победители, но кто они? Самые разные силы столкнулись в самом необычном месте, перемешались, изменились и остались где барельефами, где флагами, а чаще воспоминаниями и мелким шрифтом в толстых книгах.

Кто знает их и помнит? Те, кто жил в это время: партийные и беспартийные, бывшие дворяне и нэпманы, старове-ры, художники, студенты, домохозяйки, авантюристы. Люди

разные, у каждого своя жизнь и своя правда, но у всех одно время.

Случайная находка старообрядческого архива изменила жизнь Павла Ольшанского. Старые знакомые открылись с неожиданных сторон. Новые знакомые показали неизвестные грани такого, казалось бы, привычного окружающего мира.

Глава 1

Недавно прошел дождь. Хороший теплый летний дождь с недолгою грозой и яркой радугой. После него остались свежесть, лужи и сочная зелень мокрых листьев. Богоявленский кафедральный собор, омытый дождем, вопреки всем идеологическим установкам выглядел величаво. Занимая почти четверть главной городской площади, возвышаясь над суетным, он каждым камнем своим стремился к небу, чтобы ни у кого не возникло мысли, связать в единый архитектурный ансамбль сей православный храм и стоящую рядом на постаменте статую Освобожденного труда. Нет, конечно же, каноническая архитектура храма и имперский официоз постамент и памятника, стоявшего ранее на нем, когда-то прекрасно дополняли друг друга, в той прошлой жизни. Сейчас же собор на обновленной площади остался в одиночестве напоминать об уходящей эпохе. На постамент, когда-то олицетворяющий Империю, водрузили новые идеалы, отрицающие прошлое ради светлого будущего.

Роскошный постамент под изваянием имеет свою богатую историю, которая началась еще в 1906 году. Я, тогда восьмилетним мальчишкой, ходил с родителями смотреть на торжественное открытие памятника императору Александру II – Освободителю, установленному на этом самом постаменте. Естественно, кому этот памятник, я осознал чуть

позже, став гимназистом Екатеринбургской мужской гимназии. Гимназия находится в ста метрах от постамент с памятником, и мы, гимназисты, часто бегали через площадь мимо в кондитерскую за вкуснейшими пирожными, по слухам ежедневно привозимыми поездом из Петербурга. А в далеком 1906 году я стоял в толпе возбужденных людей, держась за руку отца, и со всеми вместе кричал: «Ура! Ура!». Играл духовой оркестр, что-то много и радостно говорили нарядно одетые люди – для меня это был праздник, потому что было мороженое, и родители целый день были со мной.

В 1917 году меня в Екатеринбурге не было, поэтому я не видел, как памятник императору—освободителю с постамента убрали. Осиротевший, он почти год простоял одинокой тумбой, пока в восемнадцатом на него ни установили Статую Свободы, такую же, как в Париже и в Нью-Йорке..., поменьше, чем в Нью-Йорке. Жаль, я не видел, как это происходило. Я тогда пытался выбраться из захваченного революционным безумием Петрограда к дедушке с бабушкой в Екатеринбург, но, говорят, было торжественно и смешно. Бронзовые плиты с имперскими символами и именем императора от постамента давно открутили. Темные пятна на его боках попытались скрыть венками из цветов. Но венки придали Статуе Свободы скорбный вид, и кто-то из ответственных товарищей перед самым открытием памятника венки все ж таки убрал, махнув рукой на пятна. «В конце концов, не постамент же открываем, а Статую Свободы, а то, что

у прошлого есть темные пятна, так мы это и сами знаем».

В 1920 году идеологически неконкретную Статую Свободы заменила голова Карла Маркса, опирающаяся на бороду. Но, несмотря на высокую идейность, приземистый бюст смотрелся очень негармонично на фоне устремленного ввысь собора. В том же 1920 году пролетарский скульптор Степан Эрзья, кстати, он же был и автором бородатого бюста, изготовил скульптуру Освобожденному труду. Эту очень складную скульптуру, созданную в полном соответствии с античной школой, установили вместо бюста на тот же постамент. Люди, не чуждые высокой культуры, называли ее «Уральский Давид». Простые граждане обозвали скульптуру «Ванька голый». Старушки, спешащие помолиться перед Собором, плевали в сторону неприкрытой срамоты и мелко крестились. Люди с фантазией фотографировались на фоне постамента с голой скульптурой, делали смешные подписи и отправляли получившиеся открытки друзьям. Монументальный постамент так и не обрел покоя, попраный босыми ногами Освобожденного труда. Скорее всего, история постамента на этом не закончилась.

А пока прошедший дождь несколько примирил вызывающую красоту «Уральского Давида» с его сомнительной идеологической сущностью. Изваяние стало больше походить на человека много и тяжело работавшего и решившего, наконец, сходить в баню культурно помыться.

Рядом с памятником этим летом организовали остановку

автобусов. Туда, на другую сторону площади, мне и нужно. Вот только грязь после дождя на площади лежала как-то уж особенно устрашающе. Начатый не так давно ремонт брусчатки превратил проезжую часть площади местами в совершенно непроезжую и непроходимую. Извозчики и водители авто объезжали разобранные участки стороной, а прохожие, на свой страх и риск, смешно перепрыгивали с камня на камень или, плюнув на все, обходили площадь по кругу. Я стоял на досках тротуара, не решаясь сделать шаг, оставив дома калоши, чувствовал себя сейчас очень неуютно. Мои новые модные штилеты в два голоса требовали позвать извозчика. Но мне, ни жить – ни быть, хотелось с ветерком прокатиться на новой городской забаве – на автобусе. Когда-то давно, еще до гражданской и революции, в тринадцатом году, тогдашние городские власти уже пытались запустить автобусное движение, но у них не вышло, помешала война. Теперь новые власти обещают наладить движение, пока только летом. А вот уже в следующем, в двадцать пятом году, когда придут автобусы Форда с закрытой кабиной для пассажиров, тогда движение будет регулярным в любую погоду. Пока же организовали летний маршрут от Площади 1905 года, бывшей Кафедральной, до Шарташского озера, где находятся дачи всех важных городских служащих и несколько домов отдыха для трудящихся.

Я смотрел на лужи и малодушничал: не крикнуть ли все же извозчика. Ехать на извозчике немногим меньше ча-

са. Автобусом столько же. Зато у автобуса остановки, суета тех, кто забирается в автобус или сходит. Все это необычно и интригующе – шум мотора, запах бензина – новые ощущения. Эх, была не была, решил я, ничего со штиблетами не случится, пойду занимать место в автобусе.

В автобус пускали всех желающих в порядке живой очереди. Впрочем, человеку в грязной одежде или пьяному могли и отказать. За этим строго следили кондуктор и милиционер, находящийся всегда рядом при посадке и высадке пассажиров. Когда суета от рассаживания по местам закончилась, кондуктор прошел по салону, собирая по двадцать пять копеек за проезд. После того, как все пассажиры аккуратно оплатили, кондуктор вернулся к своему месту поблизости от шофера и солидно извещил: «Можем ехать». Шофер молча кивнул, поправил фуражку, подергал рычаги, нажал на клаксон, и автобус начал выруливать на проезжую часть, объезжая вывороченные участки брусчатки. Пассажиры замерли, боясь громкими разговорами помешать чуду техники занять свое место среди редких автомобилей и колясок извозчиков, но все обошлось, и мы поехали на Шарташ. Организованная группа пассажиров, следующих в Дом отдыха, во время поездки от полноты чувств запела. Неорганизованные, как я, оглядывались по сторонам, подставляли лица ветру, задувающему в открытый салон, всей грудью вдыхая необычный запах бензина.

Спешащие и гуляющие по тротуарам граждане смотрели в след проезжающему автобусу с интересом и неосознанной завистью, гадая – кто эти люди, по каким неотложным делам они едут автобусом. По крайней мере, будучи на их месте, я думал точно так.

Цель моей поездки – старинное село Шарташ, расположившееся на берегу одноименного озера. В этом селе, в большом каменном доме живет мой деловой партнер Борис Лихтерман. Он очень просил меня приехать вечером в субботу: «Посидим, поговорим, сколько уж не встречались вот так по-простому, за столом! Дети давно спрашивают: где дядя Павел, где дядя Павел? Жена, опять же, всегда рада, когда Павел Иванович в гости приезжает». Знает Борис, что виноват, вот и хочет разговоры вести в домашних условиях.

Борис Натанович – хороший человек, но уже третий раз не выдерживает срок поставки скоб, которые куются у него в мастерской. В городе идет большое строительство и деревянных, и каменных домов, поэтому строительные скобы – очень хороший товар. А работа в мастерской Бориса стоит, потому что один из трех работников, видимо самый важный, пьет горькую, уже вторую неделю.

Борис свою мастерскую называет мануфактурой. Живимы в Англии лет сто пятьдесят назад, никого бы это не удивляло, но в наше время слово «мануфактура» имеет другое значение. Как-то у нас зашел с ним разговор, и я спросил:

«Борис, почему «мануфактура»? Слово уж больно нерусское. Занимаешься кузнечным делом, да и работников у тебя всего трое. Называй просто – мастерская. Всем понятно и слух не режет». Ответ Бориса был неожиданный, но по-своему логичный: «В мастерской работают мастера, – ответил тогда Борис, – а у меня работают те, кому название подобрать невозможно. Так что, только «мануфактура» – для умного человека все ясно». Постоянные задержки с выполнением заказов подтверждают, что Борис прав.

Вообще, Лихтерман очень предсказуемый человек, что в делах, что в быту. Я, еще только договариваясь с Борисом, был уверен, что у него возникнут проблемы со сроками. Так было всегда. Так оно есть и в этот раз. И про сегодняшний вечер я знаю все – Лихтерман поставит самовар, его жена Сонечка принесет вазочку с вареньем и вазочку с печеньем. Пока самовар закипает, Борис начнет новую историю про своего пьющего кузнеца, надеясь таким способом оправдаться. Потом станем вдвоем пить чай. Мы с Борисом будем пытаться договариваться о новых сроках, а Сонечка будет очень аккуратно контролировать наши разговоры, в наиболее острых моментах предлагая еще печенья. Потом Борис скажет: «Сонечка, неси водку, кажется, мы договариваемся».

Сонечка у Бориса – святая женщина. Внешне очень скромная, если не сказать – робкая. При этом она фактически держит всю свою семью в строгости. Впервые, когда Борис привел меня к себе домой, Сонечка встретила нас в при-

хожей. Взгляд ее был грозен, потому что мы с Борисом приехали из ресторана, где обсуждали вначале деловые вопросы, потом что-то еще обсуждали, потом поехали к Борису. Сонечка, сложив руки на груди, выжидала, что скажет Борис.

– Сонечка, я привел гостя. Его зовут Павел Иванович Ольшанский, – представил меня Борис, – у Павла Ивановича свое дело. Он занимается техникой. И его контора так и называется – «Техник». Короче, он – нэпман, наш человек.

– Вы будете пить водку и разговаривать? – уточнила Сонечка, но взгляд ее потеплел. – Проходите в гостиную, сейчас я вам там накрою. Борис, завтра мы поговорим с тобой.

После разрухи и голода в гражданскую, после военного коммунизма и прочего ужаса, еще недавно обыденного и беспросветного, при НЭПе появился, своего рода, культ еды. Стали цениться семейные обеды, дружеские посиделки. Человек, пришедший в гости, должен быть накормлен всем, что есть. А уж чай, это и раньше было в традициях, а теперь и вовсе обязательное правило любого общения. Пирог, блины, ватрушки, шанежки, булочки – невозможно перечислить всего, что подавалось к чаю. А еще варенья и ягоды, пастила необыкновенных вкусов, мед различный. Сам чай с травами от всех болезней и переживаний, для каждого возраста свой чай, для каждого повода свой, для каждого гостя свой, особенный. И не от бахвальства это, а из уважения и к гостям, и к себе.

Летом столы устраивали на дачных участках прямо под яблонями рядом с летней кухней и грядками, чтобы далеко не ходить. Пикники – это тоже повод устроить застолье, только на природе, у воды или в горах. Вообще, любое дело на природе – покос, строительство, страда – обязательно заканчивается застольем или скатертью самобранкой, расстеленной прямо на земле. А уж про охоты-рыбалки и говорить нечего. Что добыли, тут же съели и еще закусили тем, что из дома принесли.

Зимой сложнее, но у рыбаков-охотников только напитки менялись. А основные застолья проходили по домам. В гостиной накрывался стол так, чтобы места свободного на столе не было. Над столом лампы с абажурами, чтобы видно все хорошо. И сверкало это великолепие соленьями и вареньями, исходило ароматами секретных семейных рецептов, от которых не было спасения ни в воздержании, ни по каким другим причинам. Потому что свежо у всех воспоминание о голоде и беде, и нужно забыть это. Так всем миром и помогали друг дружке забыть беду.

С той нашей первой встречи в доме Бориса прошел год. Мы с Сонечкой нашли общий язык – я вел себя интеллигентно, а Сонечка, если была чем-то недовольна, высказывала это на следующий день Борису. Мне содержание этих бесед Борис не передавал, значит, решил я, претензий нет. А если и есть претензии, то к Борису, точнее к его любви и умению

пить водку: «по-русски», «по-еврейски», «по-казачьи», «под грибочки», «по-походному», «в разгул», «со старшим составом», «с профессором Маковецким» и еще сотней-другой различных способов. За год знакомства некоторые способы я уже узнал. Но опытный Борис, экзаменуя меня, все время находил какие-то несоответствия с его канонами, объясняя: «Все дело в нюансах».

Конец дня обещал быть наполнен рассуждениями Бориса о частной собственности, о внутренней и внешней политике и о видах на урожай – это когда Борис доходил до совершенного состояния питья водки. Слушать Бориса интересно. Особенно когда он брался критиковать власть. Глаза его горели гневом, руки совершали какие-то указующие действия. Он то иронично перечислял «так называемые достижения», то твердо и непреклонно критиковал действия всем нам хорошо известных людей из понятно каких учреждений. Жаль, что из его эзопова языка невозможно было однозначно определить – критикует Борис Советское государство или членов Антанты.

Автобус ехал по маршруту, останавливаясь, где положено: около очагов культуры, кинотеатра «Колизей» и театра имени Луначарского, а так же, где просили пассажиры. Жаркое солнце быстро высушило мостовую и тротуары. Но пыль еще не поднялась, так, что поездка была во всех отношениях приятной. Попадающиеся навстречу автомобили приветственно

крякали клаксонами. Те автомобили, что решались обогнать автобус, сигналить начинали задолго. Так что на протяжении почти квартала, пока совершался обгон, все пешеходы, извозчики и их пассажиры, случайные автомобилисты были особенно внимательны и напряжены. Наконец, торопливый автомобиль обгонял автобус, еще раз сигналил, то ли прощаясь, то ли извиняясь, а потом долгое время ехал метрах в десяти впереди автобуса пока ни сворачивал на другую улицу.

Выехав за город, автобус прибавил скорость. Какой русский не любит быстрой езды? Недавно дорогу до Шарташского озера выравнивали новым паровым катком. И какое-то время дорога действительно была на удивление гладкой. Но дожди, автомобили и упряжки дорогу быстро привели в привычное состояние. На неровной дороге спешащий автобус раскачивало, ощутимо встряхивало на кочках. Женщины, казалось, специально дожидались очередной встряски и громко, от всей души взвизгивали, хватаясь за рукава своих спутников или за плечи сидящих впереди пассажиров. Кондуктор с шофером снисходительно смеялись, а пассажиры-мужчины надували грудь, понимающе переглядывались друг с другом, дескать: женщины – существа слабые, без нас никак.

Автобус въехал в село Шарташ. Его уже поджидали мальчишки и собаки. Сколько могли, они бежали за автобусом, кричали, лаяли, в общем, веселились вовсю. Шофер, чтобы сделать им приятное, несколько раз сигналил клаксонами, от-

чего веселье приобретало фееричное состояние и передавалось уже пассажирам. Те начинали махать из окон автобуса, кричать мальчишкам: «Эй!». Кто-нибудь обязательно кричал: «Вот, я тебя!». Кому? Что – «вот»? – но зато от всей души. Я сидел с лицом, на котором распласталась улыбка, прижатая встречным ветром еще где-то на середине пути, да так и не слезшая с лица по причине этого ухарского веселья.

Приехали! Большинство граждан направилось в сторону домов отдыха, поправлять здоровье. Мне же – в другую сторону, в само село, хотя, следуя современным правилам, официально село называли поселком.

Я шел по улице, наслаждаясь почти деревенским патриархальным бытом местных жителей. Вдоль заборов бродили куры и козы, но деревянные тротуары обеспечивали удобство и чистоту пешеходам. За заборами качали ветвями кусты сирени и рябины, призванные в меру сил создавать дачный уют и негу, а заодно мешать юным авантюристам лазить по огородам. Со стороны недалекой церкви раздались перебивы колокольного звона. Шедшие впереди старик со старухой троеперстно благочестиво закрестились на купола, видимо, старики неместные. Большинство жителей Шарташского поселка – старообрядцы, молятся в своих молельных домах и крестятся двоеперстно. Некоторые до сих пор живут в больших деревянных усадьбах с крытыми дворами, огороженными высокими заборами. Из-за близости к большо-

му городу, почти все жители села уже давно, так или иначе, занимаются торговлей. Те, кто побогаче, выстроили себе дома по купеческой моде – каменные, с высоким крыльцом, но окна все равно маленькие. Может из экономии, а может из природной кержацкой скрытности. В одном из таких домов и живет Борис.

Дом широким фасадом выходит на улицу, но имеет большой двор, какие-то приусадебные строения и даже немаленький огород. Крыльцо дома находится во дворе. Двор с улицы закрыт роскошными коваными глухими воротами, изготовленными в мастерской Бориса. Я, зная секрет, не бил голой рукой в это металлическое чудовище, а воспользовался встроенным молоточком, ручка которого была выполнена как элемент наружного орнамента, а ударная часть находилась с внутренней стороны ворот. Через пару минут, один из сыновей Бориса выскочил во двор, спросил «кто там пришел?» и, узнав меня, убежал за отцом. Еще через пару минут Борис с видимым усилием открыл мне калитку в воротах, – интересно, как семья Бориса выходит из дома, когда Бориса нет рядом? – и гостеприимно закричал: «Павел Иванович, как я рад видеть Вас у нас! Проходи же, дорогой, ждем тебя уже, ждем!». На крыльце, подтверждая слова отца, стояли все младшие Лихтерманы – два мальчика и девочка. Я традиционно раздал им сладости, и они, вежливо поблагодарив, радостно убежали по своим детским делам. В прихожей меня встречала Сонечка Лихтерман. Ей я привожу пирожные.

Как-то раз Сонечка призналась, что очень любит пирожное в шоколадной глазури, а Борис ее не часто балует. Я намек понял и всякий раз, бывая у них в гостях, привожу этот гостинец, за то получаю искренний поцелуй в щеку.

Глава 2

Как я и предполагал, все было: и Сонечкино варенье в вазочке, и водочка, сегодня под уху и расстегаи, и рассуждения о денежной реформе.

– Вот скажи, Паша, какая была необходимость вводить червонец?

– Борис, по мне так любые деньги хороши, если они выполняют свою главную функцию – делать людей счастливыми. – Мне уже было хорошо после тарелочки ухи и двух рюмочек водочки, поэтому хотелось только слушать рассуждения Бориса, не участвуя в обсуждении и дискуссии.

– А я тебе объясню. Деньги – это, прежде всего, обязательства государства перед своими гражданами. Первейшая обязанность государства – это обеспечить деньги золотом, товарами или политическими обещаниями светлого будущего.

– Борис, не нужно экономики и политики, а то ты начнешь Карла Маркса мне пересказывать.

– А что, умнейший был человек. Жаль, что практики у него маловато было – не написал бы столько ошибок. Продолжим. Когда государство не справляется с обеспечением денег, происходит инфляция – стоимость денег падает. – Сонечка вздохнула, встала из-за стола и начала убирать грязные тарелки. Борис продолжал. – И когда стоимость денег совсем уж ничтожна, тогда выходит на трибуну какой-нибудь важ-

ный экономист и говорит, что эти деньги плохие. Нужна реформа денежной политики.

– Почему именно денежной политики?

– Ты считаешь, что государство признается в необходимости новой экономической политики?

– Но ведь призналось же. Ленин ввел НЭП.

– Да, тут я погорячился. Нужно разделять государство и правительство. Государство имеет историю, а правительство только опыт. Так вот, правительство с большим опытом не будет вводить новую экономическую политику, потому что это приведет к смене правительства. Неопытное же правительство может ввести новую экономическую политику. Поэтому нам нужно быть готовым к тому, что-либо отменят НЭП, либо поменяется правительство.

Сонечка вошла в гостиную, вытирая руки полотенцем, строго посмотрела на Бориса и спросила у него:

– Борис, может быть, Павел имеет другое отношение к правительству? Может быть, Павел не хочет разговаривать за столом о правительстве? – Затем Сонечка повернулась ко мне и с располагающей улыбкой спросила у меня: – Павел, хотите, я вам принесу рыбу под маринадом? Борису ее нельзя предлагать, он может съесть тазик такой рыбы.

– Конечно, Соня, я люблю рыбу под маринадом. – Сонечка ушла на кухню. – Если ты прав, Борис, и НЭП могут отменить, то что нам тогда делать?

– Работать, работать и еще раз работать. Отменяют НЭП

или поменяется правительство, – Борис опасно глянул в сторону кухни, – мы всегда найдем чем заняться. В стране всегда найдется дело для двух хороших людей. За нас? – Борис налил водку в рюмочки, одну пододвинул мне. В это время вошла Сонечка с тарелочкой рыбы под маринадом. – Ага! – сказал Борис, выпил и полез своей вилкой за моей рыбой.

На довольном жующем лице Бориса отражалась уверенность не только в завтрашнем дне, а вообще в будущем. Ему опять захотелось рассуждать.

– Так вот, почему ввели червонец, потому что самый безболезненный способ поправить ситуацию в государстве – это денежная реформа. Граждане в ней ничего не понимают, можно не объяснять. Ничего не объяснять, а сразу вводить новые деньги. После говорят, что новые деньги – правильные, и все расчеты будут только в них. А обменять старые деньги на новые вы можете по такому-то курсу в уполномоченных государственных учреждениях. – Борис поднял руку с вилкой и интригуяще посмотрел на меня. – И дальше начинается самое интересное.

– Как, это еще не все? Борис, давай я тебе лучше опять водочки налью. Под расстегай.

– Под расстегай – это хорошо. Это правильно. Но вам, русским, нужно душу раскрыть, рубаху на груди порвать. А нам нужно обсудить финансовую политику. Так что слушай. А потом, если хочешь, мы порвем твою рубаху.

Борис в два глотка выпил немаленькую рюмку водки и вкусно закусил расстегаем. Громко почавкав и вытерев рот рукой, он продолжил рассуждать о денежной реформе, о замене «старых» денег на «новые», о финансовых уполномоченных, которых всей душой он ненавидел за их желание зарабатывать на нуждах людей, имеющих деньги. Вывод его был, как всегда, неожиданным:

– Но больше всех на реформах зарабатывает кто? – Борис опять интригуяще посмотрел на меня. – Само государство! Государство – главный уполномоченный! И что самое для государства приятное – оно само решает, от каких обязательств отказаться, а какие все ж выполнить. Мечта! Мечта любого финансиста!

– Борис, подожди, ты говоришь про государство или про правительство?

– Паша, ты что, маленький? Сам не понимаешь? Про правительство говорить нельзя – Соня рядом. – Борис сделал большие глаза и мотнул головой в сторону ушедшей на кухню жены.

– Хорошо, будем говорить про государство. Вот раньше, при царизме, было понятно – кому выгодна денежная реформа – царю. Ибо государство – это он. А сейчас-то кому? Ведь государство – это мы?

– Павел, ты живешь уже третий десяток лет, а рассуждаешь как ребенок. Царь не управлял финансовой политикой. Так вот, царь вообще ничем не управлял. И раньше, и сейчас

финансовой политикой управляют люди, которые... У которых есть такая возможность. И у них есть такая своя выгода и такие свои обязательства. А если есть выгода и обязательства, то есть и ответственность. Перед..., перед другими людьми, которые им доверили финансовую политику. И это не ты и твои друзья, которые считают, что государство – это вы.

Я смотрел на Бориса и не мог понять, что такое мелькнуло в его лице. Мелькнуло и осталось царапинкой в моем настроении. Борис часто, делая большие глаза, вполголоса рассказывал совсем уж невероятные истории из жизни «сам понимаешь кого», конечно же, никогда не признаваясь, откуда он мог это узнать. Все эти истории походили скорей на творчество городских баснописцев. Но сейчас в его словах показалась легкая тень правды, той настоящей правды, в которой он убежден.

– Кстати, об ответственности, – я вспомнил об основной цели своей поездки, – Борис, если в очередной раз ты задержишь мне скобы, то мы будем считать пени. Согласен обсудить их с тобой.

– Паша, Паша, я тебе о высоком, а ты мне о низменном.

– Следуя твоей логике, деньги не могут быть низменным.

Потому что они и есть самое высокое.

– Деньги – да, пени – нет.

В таком единодушии мы ополовинили вторую бутылку водки. Сонечка уже давно ушла к детям. Из их комнаты раз-

давалось нестройное бряканье фортепьяно. За окном опять моросил дождь, а в столовой Бориса под лампой в шелковом абажуре с бахромой кипели страсти о скобах и пени, монетарной политике и обязательствах государства. Время от времени мы поднимали рюмки за дружбу и взаимное уважение, за Советскую власть, за детей и Сонечку. Дальнейшие тосты Борис озвучивал один и выпивал под них самостоятельно, потому что я перебрался на большой кожаный диван и никому не мешал. В какой-то момент я понял, что Борис сидит у стола, полуобернувшись ко мне, и вытянув ноги, смакует водку и рассуждает о видах на урожай.

Вдруг он хлопнул себя по ноге и сказал: «Пашка, а что я тебе сейчас покажу! Обувайся! В прихожей галоши обязательно возьми, а то твоим модным штиблетам этого вечера не пережить».

Спустившись с крыльца, я тут же вступил в жидкое грязное месиво, оставшееся после дождя. Благодарно взглянув в спину Бориса, я пошел за ним в темноту двора за угол дома.

Дом у Бориса большой, хоть и старый. Стоял бы он где-нибудь ближе к Главному проспекту, давно бы реквизировали на нужды государства. А так, здесь у Шарташа, на краю дачного поселка, дом Бориса внимания не привлекал. Тем более что домов таких вокруг было не мало – все бывшие дачи бывших екатеринбургских богачей. Дом Бориса – бывшая дача купца Ошуркова. В девятнадцатом году, еще живший в Екатеринбурге отец Бориса, перед самым уходом че-

хов выкупил дешево дом у купца и переписал его на Бориса. За пять лет Борис только внутри дома порядок навел. А надворные постройки как запер отец Бориса на замки, так, кажется, никто еще и не открывал.

Мы обогнули дом и за углом, где к дому был когда-то приделан дровяник, остановились. «Паша, смотри, только тихо» – сказал Борис и показал пальцем на стену. Потом этот же палец он поднес к губам и повторил: «Тс-с-с-с...». Я посмотрел «тихо», как просил Борис. Первый мой вопрос был: «Борис, ты зачем дровяник сломал? Дрова теперь в сенах хранить будешь или пускай мокнут?». Борис обидчиво дернулся плечом: «Паша, ты пьяный что ли? Смотри – дверь. Оказывается, у меня в дом есть еще одна дверь, а я не знал». Я присмотрелся и действительно увидел дверь. Дверь как дверь, только старая, узкая, но по виду – крепкая. Такие двери обычно делали в подвалы. Раньше она была спрятана в дровянике и заложена дровами, ее никто не видел. Теперь серый прямоугольник двери показался, но узнать о ее существовании можно, если только войти во двор и обойти дом.

Я посмотрел на Бориса. В его глазах пылала алчность.

– Борис, ты что, даже не открывал эту дверь? У тебя тут какой-то подвал неизвестный, а тебе не интересно? – спросил я.

– Паша, я, когда дровяник ломал, себе по руке молотком стукнул. Мне все было не интересно. Конечно ключик я потом в коробке с хламом, что от Ошуркова осталась, нашел.

И в этот подвал, кстати, я спустился. Небольшой такой подвальчик, гораздо меньше, чем тот, про который я знал.

– Боря, так что, драгоценностей там уже нет? Золото, бриллианты? Может иконы с серебряными окладами или шашки казацкие? – начинающееся приключение вдруг потеряло свою пикантность.

– Конечно – нет, я же там уже был. Да их там и вовсе не было. Но есть там сундук с бумагами. Бумаги я уже посмотрел – ни векселей, ни акций, ни расписок – ничего интересного. Зато сундук знатный. Старинный, большой, богатый такой сундук. Я его почищу и в гостиную поставлю для красоты.

– Так ты меня сюда привел, чтоб я тебе сундук помог вытащить? Борис, ты хитрый и алчный человек – вначале заинтриговал, а потом так дешево меня купил.

– Паша, не Сонечку же мне было просить тащить этот сундук, а людей посторонних тем более нельзя в это посвящать. Им ведь не объяснишь – что и откуда.

– Борис, чтоб тебе в следующей жизни золотарем родиться. Ладно, пойдем, только, чур, когда вытащим сундук, ты мне дашь бумаги посмотреть.

– Павел, ты сам хитрый и алчный человек. Вдруг в этих бумагах есть что-то важное и нужное, а я сразу не заметил?

– Создадим концессию. Иначе я тебе все припомню – и задержку скоб, и наглый обман с подвалом, и эксплуатацию сундуком. И сундук этот, пока тащим, поцарапаю.

– Согласен, не продолжай, а то ты договоришься, бог знает

до чего. Мы разругаемся, а таких друзей – партнеров у меня больше нет. Я тебя люблю и уважаю.

– Борис, не продолжай, а то ты сам, бог знает, до чего договоришься. Достаточно того, что ты меня уважаешь. Хмель у меня уже проходит, и эти пьяные лобызания меня не привлекают. Пойдем, пока совсем не протрезвели.

– Только сундук не царапай.

Борис открыл секретную дверь старым красивым ключом и махнул мне, приглашая за собой в глубину подвала.

Лестница круто уходила вниз, в темноту и затхлость. Дом Бориса, конечно же, большой по современным представлениям, но в тот момент мне показалось, что это не просто лестница в подвал, а спуск в подземелье замка, где могут быть привидения, прикованные к стенам скелеты и прочие ужасы из детских книжек. Фонарь в руке Бориса явно не отработывал стоимость налитого в него керосина. Свет был блеклый, робкий, все норотивший спрятаться обратно. Но кураж постепенно возвращался. Тем более что Борис спускался впереди и вполне уверенно. Его слегка покачивало, рука с фонарем подрагивала, так что на кирпичных стенах узкой лестницы в такт переползали тени невиданных существ, рожденных в возбужденном алкоголем мозгу. Я начал вполголоса подвывать, изображая одинокое привидение, класать зубами и царапать ногтями стены. Борис сперва вздрогнул, с упреком оглянулся и сказал: «Паша, на серьезное дело идем, а ты балуешься. Лучше смотри по сто-

ронам, чтобы никто не выскочил». Я оценил тонкий юмор Бориса с предложением «смотреть по сторонам». По сторонам были кирпичные стены. Расстояние между ними едва ли больше метра. Кто и откуда мог выскочить? Наконец лестница закончилась. Пол подвала был удивительно сухим. Умели раньше строить. На стенах были приделаны полки, большей частью пустые. В углу на одной из полок небрежно валялись какие-то тигли. У стены напротив лестницы стояли простые стол и стул, а рядом с ними сундук.

Борис был прав: подвал маленький, зато сундук большой. К сундуку с торцов приделаны железные кованые ручки для удобства переноса. Но в узком лестничном проходе и в узких дверях подвала мы всё же изрядно помучались, несколько раз разругались вдрызг и опять помирились. Борис тащил сундук одной рукой, во второй был зажат фонарь. Этим фонарем Борис освещал сундук. Ни на что больше света не хватало. Так что поднимались наверх по памяти и на ощупь. Борис пообещал поделиться со мной самым сокровенным, но что это – уточнять не стал. Еще был маленький спич о том, как он и вся его семья меня уважают. И еще что-то в том же духе. Наконец сундук был извлечен и доставлен.

Когда мы затащили сундук в прихожую, нас встречала Сонечка. Взгляд ее обещал Борису продолжительный разговор о его пьянках, странных поступках, безалаберности и безответственности. Поскольку Борис и я находились в хмельном кураже, Сонечка предложила мне снять пиджак, чтобы она

его почистила, оставив разговор с Борисом на потом. Борис, скинув грязные калоши, пошел на кухню за «продолжением», как он сказал. Я же, аккуратно сняв калоши и отдав пиджак Сонечке, взял наугад пачку бумаг из сундука и присел на диван в гостиной. Пока довольный Борис и святая женщина Соня накрывали «продолжение», я бегло просмотрел бумаги. Насколько смог понять – это хозяйственный архив шарташской старообрядческой общины. «Куплено полотна у купца Силявина 30 штук ..., ... свечей 200 штук ..., ... меда ..., ... муки... – и так далее. – Всего потрачено 23 рубля...». Все это я рассказал Борису, когда он окончательно вернулся в гостиную. Тот небрежно взял пачку бумаг из сундука, глянул наискосок и бросил их обратно.

– Павел, бумаги представляют интерес только исторический, а в наше время историей становится каждый прожитый день. Так что, все эти бумаги в сундуке – баракло. Потом выбросим, или, если хочешь, можешь забрать себе.

– Про историю ты красиво сказал.

– А то! Мы родились в империи, прожили в парламентской республике, прожили при военном коммунизме, при социализме, прожили при чехах, при белых, при красных. Собираемся жить при коммунизме. Сегодня мы живем в Екатеринбурге, а вот-вот будем жить в каком-нибудь Реваншбурге или Свердловске, или, еще ходят слухи, Андрейграде. Так что, по маленькой за историю. А так как история у нас всякий раз меняется со сменой власти, то за каждую историю выпьем

в отдельности. «Продолжение» началось.

Домой я возвратился уже за полночь. Соседа Бориса – служащего пожарной охраны – вызвали по какой-то надобности на службу. За ним прислали коляску. Работал он при пожарной каланче около Большого Златоуста. Это недалеко от моей квартиры в доме по улице Матроса Хохрякова. Пожалев меня пьяненького, с огромным мешком под мышкой, Борисов сосед согласился довезти меня до самого дома. В благодарность я всю дорогу рассказывал соседу-пожарнику истории из городской жизни. Особенно его пробирали байки про удачливых любовников, недалеких мужей и фривольных женщин. Было что-то такое в жизни пожарного служащего. А может, наоборот – не было. Расстались по-приятельски, он поехал на службу, а я, наконец, пошел спать.

Глава 3

Утро, как обычно после подобных вечеринок, было недоброе. Колокол Большого Златоуста гудел прямо в голове. Хорошо, что у меня сегодня выходной. Я встал и прошел в ванную. Засунув голову под кран, надолго замер под струей холодной воды. Когда звон колоколов затих – я почувствовал себя почти человеком. Крикнув Наталии Петровне, что можно накрывать завтрак, я накинул халат и вышел в гостиную.

Квартира у меня большая, купленная два года назад у одного неудачливого ювелира. Он так хотел дружить с новой властью, что забыл основное купеческое правило – получать прибыль. Вскоре делать подарки представителям новой власти было уже нечем, да и некоторые представители власти куда-то подевались. Так все его вложения во власть не оправдались. Чтоб не усложнять себе жизнь, ювелир продал все, что мог и поехал за границу восстанавливать веру в частное предпринимательство. Квартиру он продал мне. Пришлось изрядно походить по госучреждениям, чтобы оформить все как полагается. Зато я стал обладателем хорошей квартиры, на втором этаже небольшого двухэтажного дома. В квартире четыре комнаты, кухня и балкон. А еще на чердаке дома размещался огромный железный бак для воды, куда по вторникам и пятницам водовоз закачивал ручным насосом чистейшую ключевую воду из своей бочки. Поэтому в обеих квар-

тирах дома – и на первом и на втором этаже – были ваннные комнаты и туалеты. Роскошно!

И еще по наследству с квартирой мне досталась Наталия Петровна – бывшая экономка у ювелира. Теперь моя экономка. Я вначале сомневался, но после понял, что это не я ее благодетельствовал, разрешив ей остаться, дав работу экономки. Это Наталия Петровна снизошла до меня и моих бытовых проблем. В свои пятьдесят с небольшим хвостиком лет эта очень элегантная женщина умудрялась содержать дом и меня в образцовом порядке, готовить еду и даже помогать мне с бумагами, при этом, вызывала у всех входящих ко мне в квартиру людей уважение и даже некоторое смущение.

Зная Наталию Петровну, я уже был готов, что за завтраком она обязательно выскажет мне за чрезмерное питье водки, свое отношение к Борису Лихтерману, пожалеет Сонечку. Так и пришлось все это выслушивать внимательнейшим образом. Быстро покончив с воспитательным завтраком, я постарался аккуратно ускользнуть к себе в кабинет, оправдываясь перед домоправительницей, что хоть и выходной, но необходимо расписать поставку товара на следующую неделю, подготовить расчет с Серафимовичем за гвозди и еще много-много чего сделать. Убедить – не убедил, но из-за стола вышел. Это за обеденным столом Наталия Петровна главная, а у себя в кабинете я и царь, и бог.

Усевшись за свой рабочий стол, выдохнул, вспомнив стро-

гий взгляд экономки. Работать что-то не хотелось. Начал с малого: подточил карандаши, добавил чернил в чернильницу, проверил перья у ручек, посидел. Пора переходить к делу. И, о чудо, я вспомнил о мешке с бумагами из сундука Бориса. И так не хотелось, а тут совсем расхотелось заниматься скобяными изделиями. Я принес мешок из прихожей, вывалил бумаги на стол и начал с ними разбираться.

Бумаги были самыми разными: и толстые амбарные книги, и отдельные листы, и кое-как схваченные суровой ниткой тоненькие тетрадочки. Сама бумага тоже поражала разнообразием. Я раньше никогда и не обращал на это внимание, но, оказывается, бумага отличается по цвету, по толщине, по рыхлости, или правильнее говорить, по плотности, по размеру. А еще различные чернила, почерки и само написание букв. И что мне со всем этим делать? Разложу по стопочкам, а там видно будет.

Вначале решил их систематизировать: по датам, по темам, по авторству. Занятие это оказалось не простым, но неожиданно для меня интересным. Через пару часов кое-что начало проясняться. В бумагах охватывался период приблизительно с конца XVII по конец XIX веков. В основном хозяйственные записи о покупках для общины, книги с записями о рождении, женитьбе и тому подобном. Несколько листов с описанием пожара 1766 года, долговые записи. Очень много бумаг касательно кожевенного промысла и торговли в Екатеринбурге. И все такое прочее.

Но особо выделялась одна стопка бумаг – все листы были помечены внизу старообрядческим восьмиконечным крестом с двумя жирными точками внизу справа от него. Эти бумаги скорее были распоряжениями, чем хозяйственными записями. В них говорилось об отправке людей в скиты для плотницких и литейных работ, об обеспечении продуктами и проводниками беглых. В одной бумаге было записано: «... в битвах помощи ни Турчанинову, ни Белобороду не оказывать, по части лекарской чинить всякое действие, не давать губить людей и завод...». Дата не стояла, но, скорее всего, речь шла о Пугачевском восстании. Иван Белобородов, как мне кажется, – один из сподвижников Пугачева, а Турчанинов – бывший владелец Сысертских заводов. В другом листе была запись: «Направить горщика Ерофея Маркова открыть месторождение золота близь Шарташа в направлении Становой». Запись была датирована апрелем 1745 года.

Немного посидев, напрягая свою память из гимназического курса истории, я с удивлением понял: получается, что кто-то дал распоряжения не пускать Пугачевские отряды к Екатеринбургу? И этот кто-то, точнее – кто-то из этих же на два десятка лет раньше, отправил Ерофея Маркова не искать золото, а открыть его в известном месте? И этот кто-то не Городская Дума и не горнозаводское начальство. А это кто-то – из старообрядческой среды.

Я еще раз внимательно пересмотрел записи, помеченные старообрядческим крестом с точками. Стало интересно

узнать: каким именно событиям соответствуют другие записи из этой стопки бумаг. Просидев над ними еще около часа, однозначно уяснил, что моих знаний истории Екатеринбурга недостаточно. Где-то что-то нужно почитать, с кем-нибудь поговорить. Где почитать? С кем поговорить? А для таких вопросов у меня есть Наталия Петровна.

Наталия Петровна как раз вернулась с покупками. Было слышно, как она разувается в прихожей.

– Павел Иванович, вы еще не кушали? Я же вам на столе все накрыла и оставила. Нельзя же так работать.

– Наталия Петровна, вы, как всегда, вовремя. Я сейчас же пойду поем, только вы уж со мной посидите. Мне нужно с вами об одном деле поговорить.

– Павел, никаких дел за обеденным столом не должно быть. Это не по-русски.

– Хорошо, хорошо. Разговор будет как раз приличествующий застольному. У меня новое увлечение. И не смотрите на меня так пристально.

– Боюсь надеяться – это касательно ваших matrimониальных планов?

– Наталия Петровна, речь не об этом. Наш с вами разговор об этом я очень хорошо помню и без вашего совета никаких действий предпринимать не буду.

– Павел, уже вам пора предпринимать какие-нибудь действия. После того как ваша Лиза уехала, как сейчас говорят –

эмигрировала, в Европу, вы совсем перестали быть серьезным в этих делах. А ведь прошло уже почти два года.

– Не напоминайте, Наталия Петровна. Я совсем не об этом хотел с вами поговорить.

Чтобы как-то отвлечь Наталию Петровну от ее любимой темы, я, наконец, присел к обеденному столу. Конечно же, кое-что остыло, хотя и было накрыто крышккою. Но готовила Наталия Петровна замечательно, так что свекольник и куриное филе с овощами были, как всегда, великолепны. Уже попивая чай, – Наталия Петровна налила себе чаю тоже, – я продолжил разговор:

– Вчера, приехав от Бориса, я привез мешок с бумагами интересного происхождения. Похоже, в доме Бориса хранился архив шарташской старообрядческой общины.

Наталия Петрова удивленно подняла брови и даже отставила чашку с чаем.

– Сегодня утром я разбирал эти бумаги, и мне многое показалось интересным. Все это касательно истории Екатеринбурга и, возможно, губернии.

– Чем я могу вам помочь, Павел? Мои знания из истории Екатеринбурга неглубоки.

– Зато вы всегда знаете, где можно получить необходимое. В данном случае – где можно познакомиться с историей Екатеринбурга, не особенно углубляясь. Кроме того, мне кажется, что архив представляет несомненную историческую ценность и, очень вероятно, коммерческую ценность тоже.

Хочу попросить вас каталогизировать все документы, как вы делаете с моими деловыми бумагами.

– Конечно, Павел, с документами я вам помогу. А что касается истории, мне нужно встретиться с моей приятельницей. Она замужем за профессором Комвуза Северским. Тот как раз преподает историю.

После обеда Наталия Петровна зашла ко мне в кабинет. Я показал ей бумаги и просил работать с ними только в моем кабинете, ничуть не стесняясь сидеть за рабочим столом и, при нужде, посылать меня за чаем и чернилами.

– Я, конечно же, рада воспользоваться вашими услугами, Павел. Но вы говорили мне о планах на выходные поехать в «Колизей». Там у вас компания с девушками. Я женщина не юная – вам там интересней будет.

– О! – Я хлопнул себя по лбу, посмотрел на часы и побежал переодеваться.

Кино в «Колизее» было скучным, тем более, я его уже видел. Девушек в компании было две. Кроме них были еще два младших уполномоченных сотрудника уголовного розыска – Серега и Антон. Серега – мой одноклассник, резкий, дерзкий, очень прямой и открытый человек, при этом шалопай. Антон постарше нас на два года. Успел он и повоевать, и с бандитизмом побороться. Прежде чем что-нибудь сказать всегда долго смотрит, думает. А потом делает все быстро и правильно. За это его и уважают.

Знакомство наше недолгое. Первый раз я обратился к ним полгода назад. У меня тогда вышло маленькое недоразумение с гражданином Коробковым. Он, гражданин этот, решил, что я еще слишком молод, чтобы быть достаточно серьезным человеком, поэтому вздумал не платить мне за инструмент, который я ему продал. Приказчики его меня из магазина вытолкали и еще кричали вслед гадости. Хорошо хоть до мордобоя дело не дошло. Одному против троих мне не выстоять.

Я, конечно, обиделся, но не растерялся. Не справляюсь один – найду помощников. Среди моих приятелей суровых людей нет. Обратиться к артельщикам, мужикам серьезным, тертым жизнью, не позволяла собственная гордость. Я их уважения добивался год. Они засмеют меня, узнав, что я с лавочником не справился. Решил, что мне может помочь только народная милиция. Недалеко от моего дома на улице Троцкого находится 1-ое Отделение милиции. Я пришел туда, по пути продумав план, как без официальной суеты и излишнего внимания госорганов получить от этих госорганов помощь в своем деле.

В отделении на лестничной площадке курили два молодых парня в гражданской одежде. Но по тому как по-хозяйски привычно они расположились на подоконнике, стало ясно, что парни местные. Я начал просто:

– Здорово, парни.

– Здорово, че надо? – спросил один, что помоложе. Вто-

рой в это время молча разглядывал меня и продолжал курить.

– Парни, вы же милиция, да?

– А ты думаешь, что здесь только милиция ходит? Может мы блатные? А сюда нас на допрос вызвали. – Парню, что помоложе, явно хотелось поговорить и показать свою удаль молодецкую.

– Были бы вы блатными – так просто бы здесь не сидели, не курили. Не дадут блатным в милиции такой воли. Значит вы сотрудники.

Второй парень кивнул, соглашаясь с моей логикой. И я продолжил:

– Дело у меня есть. Для милиции дело пустяковое, неинтересное. А вот для сотрудников милиции – интересное. Навыки профессиональные повысить, при этом справедливость восстановить.

– Обидел кто? – Младший махнул рукой в сторону коридора. – Тогда иди к дежурному, пиши заявление.

В это время старший закончил меня разглядывать и спросил:

– Ты кто? Нэпман, чуждый элемент?

– Я такой же человек, как и вы. Только работаю сам на себя. И налоги плачу государству аккуратно. Контора у меня – «Техник» называется. Товары для строительства и детали для разных механизмов. Приходите – покажу.

– Слушай, техник, – старший соскочил с подоконника, –

а печатные машинки у тебя есть? Нам в отдел печатную машинку очень надо.

– С машинисткой?

Парни весело заржали.

– С машинисткой оно было бы лучше, а то Серега, – старший показал на приятеля, – ни к какой технике, кроме пистолета, не приспособлен.

– Печатную машинку я найти могу, только не новую и без машинистки. Но знаю одну даму с новой печатной машинкой, правда, дама старая. Брать будете?

Парни опять заржали.

– Нет, уж лучше старую печатную машинку, чем старую машинистку. Ладно, пошли в кабинет, о делах поговорим. Меня, кстати, Антоном зовут, – представился старший.

Парни оказались младшими сотрудниками Уголовного розыска. Разыскивали и ловили бандитов, убийц, воров и насильников. С моей маленькой проблемой разобрались в тот же вечер. Пришли в магазин к обидевшему меня гражданину Коробкову, шуганули приказчиков. Утащили Коробкова за собой куда-то в подсобную часть магазина. Минут через двадцать они все втроем вернулись, только гражданин Коробков был красным и потным, но очень вежливым. Рассчитался он со мной на следующий день, оставаясь таким же красным, потным и очень вежливым. А через два дня я притащил парням в отдел печатную машинку Ундервуд, сделанную еще в 1909 году. Машинка в очень хорошем рабочем

состоянии, хоть и не новая. Но во время войны и революции не до печатных машинок было. Зато есть повод отметить круглую дату – ей исполнилось пятнадцать лет.

С тех пор мы встречаемся, наверное, пару раз в месяц выпить пива или сходить в кино, чтобы с девушками познакомиться. Кстати, и Серега, и Антон с девушками познакомились, и мы продолжали встречаться уже большой компанией. Парням это было удобно, потому что я брал на себя большую часть расходов, и приятель я тоже, наверное, неплохой. А мне было спокойней от сознания, что у меня есть такие знакомые, с возможностями. Да и просто, мне с ними было интересно. Вот и сегодня я организовал поход в «Колизей» для уполномоченных сотрудников и их девушек. Одна из девушек была очень мила. Пожалуй, это все впечатления от вечера.

Оставив парочки после кино целоваться в саду Комклуба под звуки духового оркестра, я спустился к Тарасовской набережной городского пруда и пошел домой. Устал, но, в общем, был доволен. Парни, как всегда, пообещали помочь, если понадобится.

Трудовая неделя началась, как обычно, в понедельник. С утра я приехал на склад, который моя комиссионно-техническая контора «Техник» арендовала на Покровском у «Эл-маштреста». Отдал Михаилу список с отгрузками на ближайшие три дня. Михаил – мой единственный работник – был и приказчиком, и кладовщиком. Он вел учет на складе,

готовил товар к отгрузке, а, при нужде, мог помочь погрузить или разгрузить подводы. Михаил, как и Наталия Петровна, был послан мне богом. Он не пил, жил неподалеку, любил и умел работать руками. До революции Михаил служил приказчиком у братьев Агафуровых. Набрался лоску и манер. Но после пришлось от кисейных дел уйти к скобяным.

Несомненным талантом Михаила была способность рождать идеи. Оптово-розничная торговля товарами для строительных артелей и контор – это тоже идея Михаила. Потому что строить будут всегда, тем более после революции, гражданской войны и в период Новой экономической политики. Во всяком случае – будут ремонтировать. Сам Михаил совершенно не любил договариваться и считать приходы-расходы. В этом разбирался я.

Очередной идеей Михаила было сосредоточиться на продаже электротехнических и сантехнических изделий. Дело для города пока что новое, хотя строители-специалисты уже есть. Не много, но есть. А серьезных продавцов – всего один – крупный государственный «Элмаштрест», у которого мы арендовали помещение. Большой, неповоротливый трест, которому нет дела до мелких артелей, кустарных мастерских и простых граждан, желающих что-то приобрести. Его клиенты – это заводы, другие тресты и крупные потребительские союзы. Еще встречаются редкие магазины, где можно купить электрическую лампочку и выключатель, больше ничего магазины не продают. Есть над чем подумать малень-

кому частному предприятию. Тем более, в следующем году в городе планировали начать строительство центрального водоснабжения и электростанции на Большеконном полуострове.

Мы решили с Михаилом, что всю неделю у всех, с кем общаемся по делу, да и не по делу тоже, выясняем, что им хотелось бы из электротехнических и сантехнических изделий. И, желательно, сколько они готовы купить и заплатить за это. А в пятницу обобщаем и составляем список уже наших потребностей. Потом я иду в трест и договариваюсь о покупке всего этого за какие-нибудь совершенно смешные деньги. Детали переговоров в тресте мы с Михаилом решили обсудить после составления нашего списка, потому что товар для нас новый и суммы подношений пока непонятны. Что ж, неделя началась.

В среду Борис Лихтерман привез скобы. Привез ко мне на склад на Покровском. Я как раз был там. Михаил показывал мне соединительные муфты для труб – очень удобный товар – маленький и относительно дорогой. Борис, одетый в старый пиджак, какие-то полосатые брюки, но в шляпе, спрыгнул с подводы и с гордым выражением лица подошел к нам с Михаилом здороваться. Гордость на лице Бориса, видимо, от сознания, что он не нарушил сроков поставки... с четвертой попытки, но и на том спасибо. Немного поруководив разгрузкой, Борис подошел ко мне уже с заговорщиц-

ким выражением лица:

– Паша, а давай за успешное завершение сделки водочки выпьем, прямо здесь у тебя на складе. Водочку я прихватил с собой, за закуской Михаил ходит, пирогов возьмет. Он все равно не пьет, так хоть посидит, пирогов поест, умных людей послушает.

– Борис, сделка завершилась успешно пока только для тебя. Вот и пей один. А мне еще оправдываться перед артельщиками нужно за твою задержку. Вот там и я буду пить. Заметь, для меня это будет не удовольствие, а работа.

– Хочешь, я тебе помогу?

– Борис, артельщики до семнадцатого года были черносотенцами. Это сейчас они повзрослели и трезвыми тебя бить не будут. Но если тебе не хватает в жизни эмоций, то можешь пойти со мной к ним пить водку. Пойдешь?

– Я передумал. Просто что-то выпить хочется, а компании нет подходящей. И ты не пьешь, а Михаил у тебя вообще не пьет. Какие-то вы не русские люди. Ладно, пойду подводу отпущу.

Борис рассчитался с извозчиком. Тот довольный засунул деньги куда-то за отворот рубахи, вскочил на подводу и лихо взмахнул вожжами, понукая флегматичную лошадку. Однако лошадка не сразу рванула, она подняла голову, почему-то оглянулась на нас и только после потрусилась по мостовой, волоча за собой гремящую подводу. Рассчитавшись с извозчиком, Лихтерман вновь зашел к нам на склад:

– Господа-товарищи, если я тут у вас немного посижу, это никого не стеснит? К себе на мануфактуру идти не хочется, мужики протрезвели, работают вовсю, им лучше не мешать. А вы, вроде как, не очень заняты, я вам не помешаю? Паша, ты точно водку не будешь?

– Не буду. А ты что, тут пить собрался?

– За кого ты меня принимаешь? Я образованный интеллигентный человек, я Тору читаю, конечно же, я не буду пить в одиночестве. Так посижу, вас послушаю – может, вы что знаете, может, я чего не знаю.

– Борис, посмотри вон у Михаила образец муфты для водопроводных труб. Смогут твои работники такое сделать?

– Паша, мои работники смогут сделать все. Только если будет достаточно времени и денег. – Борис подошел к Михаилу, и они стали разглядывать муфту, тут же принялись обсуждать возможные технологии изготовления. Через час, выпив по три чашки чая, эти технические специалисты решили, что пора переходить от ругани к практическим опытам. Борис упросил Михаила отдать ему муфту на несколько дней, сунул ее в карман пиджака и засобирился, попрощавшись за руку со мной и с Михаилом. Михаил проводил Лихтермана до выхода, не переставая повторять, чтобы тот не сломал и не потерял этот драгоценный образец. Борис торопливо махнул на прощание нам с Михаилом рукой и ушел.

Михаил задумчиво посмотрел ему в след, пожал плечами и сказал: «Никогда я не понимал Бориса. В чем-то он прин-

ципиальный еврей, а в чем-то беспринципный русский. И чего больше – не разобрать». Я подумал над словами Михаила, удивился глубине мысли и попытался поддержать разговор: «Было бы хуже, если Борис был в чем-то беспринципным евреем, а в чем-то принципиальным русским». Вот пускай теперь Михаил постигает глубину моей мысли, а я поеду к артельщикам договариваться о доставке этих надоевших скоб. Нужно только домой зайти переодеться в более приличное.

Дома Наталия Петровна уредила меня пообедать, а пока я ел, она рассказала, что поговорила со своей приятельницей и ее мужем профессором Северским. Профессор готов в частном порядке повстречаться со мной и дать консультацию по истории Екатеринбурга. Встречу лучше провести дома у профессора, так как в разговоре могут понадобиться какие-нибудь материалы, а у профессора обширная домашняя библиотека. В гости к Северским лучше идти с конфетами для супруги и баночкой китайского чая для профессора. У профессора язва, а, по его мнению, китайский чай – самое действенное средство. Я хотел состричь, что против язвы самое действенное средство – это рюмка водки, но, взглянув на Наталию Петровну, понял, что именно этого она от меня и ожидает. Уже подготовила нужное выражение лица. Я решил не шутить, пускай у Наталии Петровны будет выражение лица не к месту. Ей станет неудобно, и она не будет завтра выговаривать мне за мою сегодняшнюю встречу с ар-

тельщиками. Хотя, зря мечтаю.

– Наталия Петровна, я так понимаю, что к Северским удобнее прийти в субботу?

– Да, Павел Иванович, в субботу в самый раз. У них как раз придет Леночка из Казани. Это их дочка, она в этом году закончила учиться в Казанском университете, будет врачом. Милая девушка и очень самостоятельная. Отказалась учиться в Екатеринбурге, чтобы, как она говорит, папа не мог влиять на нее. Да и, к тому же, медицинский факультет в Казани очень сильный, а у Северских там родственники живут.

– Чувствую заговор. Если и профессор в этом участвует, то лучше давайте поищем другого историка.

– Что вы, Павел! Во-первых, никакого заговора нет. Во-вторых, лучше историка в Екатеринбурге не найти. В-третьих, профессор не в курсе. Он, как и вы, совершенно не думает о таких вещах, как семейное счастье, хотя бы и его милой девочки. Это мы с Марией Андреевной, его женой, просто решили чуть-чуть разнообразить вечер и ваш, и Леночки. Молодым людям всегда чуточку интересней, если рядом есть симпатичный собеседник. Для девушки лучше принести цветы. Я вам все подготовлю: и конфеты, и чай, и цветы.

– Наверное, вам, Наталия Петровна, тогда нужно пойти со мной. Мне просто не унести в двух руках все: «и конфеты, и чай, и цветы». А еще бумаги, ради которых все это, собственно, и затевалось.

– Павел, если мы пойдем к Северским вдвоем, а вы будете

с цветами, то, поверьте, это будет похоже на сватовство. Вы этого хотите?

– Нет. Пойду один. Поеду на извозчике, если что, он поможет донести. Кстати, я сегодня вернусь поздно – у меня переговоры с артельщиками. Переговоры наверняка затянутся. Так что ужинать не буду.

– Павел, вы очень часто...

– Наталия Петровна, что поделывать, это моя работа. Нам купцам вообще очень не просто.

– Павел Иванович, прошу помнить, что вы дворянин, хотя сегодня это и не в чести. Купцом же вы не являетесь, так как не состоите в купеческой гильдии. И все эти ваши сегодняшние занятия – очень нужные, но, поверьте, временные.

Я удивленно посмотрел на экономку. Ее отношение к дворянству для меня не новость, но Наталия Петровна очень редко говорила об этом, и уж, тем более, не напоминала мне о необходимости соответствовать своему происхождению. Почувствовав, что сказала слишком много, Наталия Петровна перевела разговор к другой скользкой, но более безопасной теме:

– Когда мы разговаривали с Марией Андреевной, женой профессора Северского, я говорила о вас как об очень серьезном молодом человеке.

– Не буду спрашивать, зачем вы говорили обо мне с Марией Андреевной. Но прошу заметить, что мне вот-вот будет двадцать семь. Я уже не юноша. А серьезную репутацию я

приобретаю, в том числе, и вот на таких «переговорах» с артельщиками.

Я встал из-за стола и пошел собираться. Может быть, я слишком резко ответил Наталии Петровне, но ее настойчивое желание устроить мою семейную жизнь меня утомляло. Видит бог, если бы она занялась своей личной жизнью, я был бы только рад. Как бы ей об этом сказать?

Глава 4

На Гоголевскую улицу к Северским я приехал на извозчике. Со мною были большой баул с бумагами старообрядцев, пакет с конфетами и китайским чаем для профессора и его жены. Букет для дочери профессора, по совету моего лучшего советчика Михаила, был заменен на модную книжку. Михаил сказал, что в этом году все интеллектуальные барышни в восторге от книги «Необычайные похождения Хулио Хуренито». Мне название показалось не очень интеллектуальным, но и я не эксперт в филологии. Удивило другое, оказывается Михаил может давать советы не только касательно скоб, муфт и переключателей.

Северские меня уже ждали. В прихожей меня радушно встречала жена профессора – Мария Андреевна – миловидная женщина сорока пяти лет. Пока я переобувался в тапки, – хозяйева берегли паркет, – вышел сам профессор – Владимир Николаевич. Профессор производил именно то впечатление, какое должен производить ученый муж, преподаватель, наставник. Он был большой, ухоженный, с бородкой и густой шевелюрой. У меня сложилось очень хорошее первое впечатление о Северских. Казалось, что голод и разруха, свирепствовавшие в Екатеринбурге еще три-четыре года тому назад, совершенно не коснулись этой квартиры и ее обитателей. Как умудрился профессор сохранить свой малень-

кий благополучный мир – для меня загадка. Видимо определенные связи у профессора есть.

Проговорив все необходимые дежурные фразы: «рады знакомству», «очень приятно», «да что вы, что вы, не нужно было», мы прошли в гостиную. Стол уже был накрыт к обеду, и, судя по великолепию сервировки, я был украшением стола. В глазах Владимира Николаевича читалось легкое смущение, но чувствовалось, что с ним проведена разъяснительная беседа со стороны Марии Андреевны. Я решил не заострять внимание на этих деталях. Чтобы как-то поддержать профессора, показал на свой баул и сказал: «Владимир Николаевич, у меня к вам много, надеюсь, интересных вопросов».

– Конечно, конечно, Павел Иванович. Но, по традиции, вначале за стол. Пообедаем, а потом поработаем. – Профессор приободрился и присел во главе стола.

В это время в комнату вошла девушка. Я даже не понял сразу, как она красива, той недоступной красотой, которая создается поколениями естественного генетического отбора. Просто не думал, что встречу когда-либо в своей жизни такую девушку, поэтому молча встал и смотрел, как она подходит ко мне, протягивает руку.

– Здравствуйте, – сказала она максимально нейтральным голосом, – меня зовут Елена.

– Здравствуйте, – ответил я и пожал протянутую мне теплую маленькую ладошку, – меня зовут Павел, мне о вас го-

ворили. Сказали, что вы очень красивая и серьезная девушка – они все были правы. – Сам не знаю кто эти «все», уж, ни Наталия ли Петровна. И, чтобы загладить как-то эту чушь, продолжил. – Мой коллега, как оказалось, большой библиофил, посоветовал преподнести вам этот презент, – я отдал девушке книгу про Хулио Хуренито, – надеюсь, вам будет интересно ее почитать.

– Большое спасибо, подарок интересен уже тем, что это не банальные цветы, а книгу я обязательно прочту.

Наконец все расселись. Профессор во главе стола. Я сидел по левую руку от профессора, напротив меня сидели его жена и дочь. Владимир Николаевич был откровенно рад новому лицу за столом и с удовольствием рассказывал об университете, где он преподавал.

Урало-Сибирский коммунистический университет, – обычно называемый Комвузом, – не был университетом в классическом понимании. Этот Комвуз готовил управленческие кадры среднего звена для предприятий, колхозов и партийных органов. Многие студенты, при всем богатстве жизненного опыта, с трудом читали, знали азы арифметики и совершенно не имели представления об экономике, истории, географии и многих прочих предметах, необходимых руководителю. Профессор Северский рассказывал своим студентам историю Запада. Как он заметил, чтобы рассказывать историю России, нужно быть большим фанатиком

современности, а он человек пожилой и быть фанатиком ему не пристало. Есть у них в университете молодой преподаватель истории Соколов – вот он как раз подходящий человек. Но историю России Северский, конечно же, знал в ее классической интерпретации. С большим интересом относился к истории Урала и Екатеринбурга. Тем более что университет располагался в здании, принадлежащем ранее купцам Харитоновым – место историческое, по-своему сакральное, несомненно, загадочное и очень красивое. Потом Мария Андреевна плавно перевела разговор на меня. Пришлось немного рассказать о себе, что я из бывших, что до двенадцатого года мы с родителями жили в Екатеринбурге, после уехали в Петербург, а здесь у меня остались дедушка и бабушка. В Петербурге я поступил в университет. В восемнадцатом году родители погибли, я прервал учебу, и мне удалось вернуться обратно. Здесь в двадцать первом году я похоронил дедушку и бабушку, а теперь живу один и работаю нэпманом. История получилась грустной и, чтобы как-то сгладить впечатление, я рассказал о своей первой успешной сделке.

Было это, кажется, осенью двадцать второго. В один из дней я пошел на Хлебную площадь, тогдашний центр торговли. Хотел купить еды. В то время с едой было не просто. Таких роскошных магазинов, как сейчас, еще не было. Только окрестные селяне могли что-то предложить со своих огородов, побаловать творогом, курами да яйцами. У спекулян-

тов можно было купить соль, сахар и даже шоколад. Или выменять это на серебряные вилки, меховую горжетку или фарфоровую статуэтку из старого бабушкиного буфета. У меня были деньги – осталось кое-что от родителей и от бабушки с бабушкой. Шоколад я не покупал, но и не особо сдерживал себя в удовольствиях. Так что настроение у меня было эдакое развеселое.

На площади встретил парня чуть постарше меня. Он задумчиво стоял среди базарной суеты, одной рукой прижимая к себе мешок, в другой руке зажимая два ершика для примусов. Выглядел он нелепо, а я был молод и нахален, грех было не подойти к парню и не поинтересоваться: «Что, гражданин, не знаете, куда все ершики засунуть?». – «Не знаю, – честно ответил он, – сделать-то я их сделал, а продавать их не умею. Слушай, купи, а?». – «Зачем?». – «Продашь – заработаешь денег, я тебе потом еще сделаю». Я подумал, огляделся по сторонам и сказал: «Есть идея как их продавать. Пойдем». Я вывел парня к одному из входов на Хлебную площадь, поставил в ряд к таким же нелепым продавцам и сказал, чтобы он продавал ершики по 50 копеек за штуку. Парень удивленно посмотрел на меня: «Я их вообще-то по 10 копеек продавал». – «Вот потом я у тебя все по гривеннику и куплю, а пока стой и всем говори, что цена – полтинник. И еще, не стой столбом, расхваливай товар. Ты кем был раньше?». – «У Агафуровых работал. Приказчиком». – «Вот и вспоминай прошлый опыт». Сам я отошел от парня

метров на сто и начал предлагать ершики, проходящим мимо гражданам за 14 копеек. При этом я всюду нахваливал товар и говорил, что лучше не найти. Минут через десять ко мне подошел первый покупатель, потом второй. Часа за три я распродал все ершики у себя и у моего партнера, напоминаю, по 14 копеек за штуку!

После удачного завершения сделки, мы с парнем поделили доход и с тех пор работаем вместе. И до сих пор мой партнер Михаил не знает, сколько гадостей про него говорили люди, которые покупали ершики у меня.

История про нашу с Михаилом первую сделку вызвала у Северских живейший интерес. Для них, людей академичных, эта бретерская сторона жизни была неизвестной и немного страшной, но послушать истории из нее со счастливым концом интересно и приятно.

– А чем вы, Павел, сейчас занимаетесь? – спросил профессор, его жена это уже знала от моей экономки.

– Тем же самым, Владимир Николаевич, только оптом.

– Продаете ершики подводами? – съязвила Елена, тут же поняла, что фраза прозвучала по-детски, и засмушалась.

– И ершики, и другие скобяные товары, и вы правы – подводами. К сожалению, я больше ничего делать не умею. Да и не хочу.

– Павел, а может быть вам продолжить учебу? Вы на каком факультете учились в Петербургском университете? – спросил профессор.

– На юридическом. Хотел изучать политэкономия. Отучился всего два курса, так что нужно говорить не о продолжении учебы, а об обучении с начала.

– Уверяю вас, в современной России ваш уровень образования весьма и весьма высок. И вам нужно обязательно подумать о продолжении образования. В любом случае, будете ли вы развивать собственное дело или же пойдете на государственную службу, образование вам пригодится. Тем более, учитывая ваш род занятий, экономическое образование. Впрочем, как я понимаю, история вас так же интересует?

Обед закончился, и мы с профессором прошли к нему в кабинет. Я передал бумаги и каталог на них, составленный Наталией Петровной. В течение часа мы с профессором рассматривали документы, я без подробностей рассказал о том, как эти документы попали ко мне, о своей системе каталогизации. Постеснявшись сказать профессору, что меня интересует возможная коммерческая стоимость документов, попросил посмотреть на бумаги с точки зрения их исторической ценности. Оценив объем работы, профессор попросил оставить бумаги у него на недельку. «А в следующую субботу, к обеду, вы, Павел, непременно зайдите к нам. Мы пообедаем и после обсудим материалы».

Провожать меня в прихожую, кроме профессора, вышли его жена и дочь. Профессор пожал мне руку. Я старорежимно поцеловал ручки дамам. Мария Андреевна напомнила,

что в следующую субботу они меня будут ждать. Елена стояла рядом с родителями и улыбалась самой красивой улыбкой, я не видел никогда красивее.

Уже возвращаясь домой, я вдруг понял, что все еще думаю о Елене Северской.

Глава 5

Следующая неделя началась с посещения «Элмаштре-ста», куда я пришел, чтобы познакомиться с человеком, занимающимся электрическими изделиями. И надо же такому случиться, этим человеком оказался милейший Иван Александрович Сергеев, когда-то преподававший мне в мужской гимназии естественные науки. Иван Александрович с тремя сослуживцами сидел в небольшой комнатке, заставленной столами и шкафами с образцами электрических приборов. Кабинет был настолько тесный, что для посетителей имелся всего один старый расшатанный стул, по счастью, рядом со столом Ивана Александровича. С двух сторон стул был зажат столами, спинка стула упиралась в подоконник, так что, падать ему было некуда, и это сильно повышало его самооценку. Я аккуратно присел на этот мебельный раритет. Стул возмущенно закрипел, но сдержался. Конторские служащие все это время внимательно наблюдали, переживая за одного из нас, но всё обошлось, и все дружно облегченно вздохнули.

– Здравствуйте, Иван Александрович! Я, кажется, к вам. Вы меня помните?

Не уверен, что Иван Александрович вспомнил меня сразу, хотя два года я у него учился. В ту пору он был молодым жизнерадостным человеком, увлеченным физикой и счи-

тавшим, что математические уравнения могут быть так же красивы, как и стихи Бальмонта. Революции, войны и все остальные прелести недавних лет состарили Ивана Александровича лет на тридцать. Лысина расплзлась по его голове, оставив аккуратные кустики волос на затылке и висках. Навивная жизнерадостность сменилась простой житейской надеждой на лучшее. Тем более, что сегодняшнее положение Ивана Александровича было вполне надежным.

В течение получаса мы с удовольствием общались друг с другом под умилительные взгляды коллег Ивана Александровича. Женщина, сидевшая за соседним с Сергеевым столом, угостила нас чаем с самодельным печеньем. Все как-то начали вспоминать истории из школьных лет, и если бы ни зашедший заведующий отделом, то еще долго воспоминания мешали бы полезной деятельности сотрудников учреждения.

Попрощавшись со всеми, я с трудом протиснулся мимо заведующего отделом, договорившись с Сергеевым встретиться вечером, попить пива. Умнейший Иван Александрович, узнав, что я являюсь хозяином конторы «Техник», сразу понял, зачем я пришел в «Элмаштрест». При этом вполне убедительно изобразил встречу учителя со своим учеником, которых связывают общие воспоминания. Для коллег было естественным, что Сергеев вечером собрался встретиться со своим бывшим учеником. Никто из них не заподозрил, что у него в этой встрече могут быть какие-то деловые ин-

тересы. Откровенно, я не ожидал от бывшего преподавателя гимназии таких умений проворачивать дела. Нужно быть с ним повнимательнее.

Вечером в пивной, недалеко от здания треста на берегу Исети, мы и в самом деле много проговорили с Иваном Александровичем о гимназической жизни. Воспоминания беззаботного детства и оптимистичной молодости – самые приятные воспоминания. После рассказали друг другу, как сейчас складывается жизнь. Естественно, не ради удовлетворения праздного любопытства, а чтобы лучше понимать перспективы возможного сотрудничества. Только после этого перешли к делам. Как я и думал, для Ивана Александровича не составит большого труда оказывать помощь в приобретении нужных мне изделий на самых благоприятных условиях. Но при этом за свою помощь он надеется на ответные услуги.

Честно говоря, поначалу я сильно засомневался, смогу ли в этом помочь. Но Сергеев большой оптимист: «Не боги горшки обжигают, Павел, а мы чем хуже?» – сказал он и почему-то этим убедил меня. Являясь страстным коллекционером живописи, Сергеев попросил представлять его интересы в некоторых случаях. Для него, как для коллекционера, зная его интересы, художники и их маклеры могут и будут завышать цены. К тому же, в некоторых случаях, имеющих у него сумм может не хватить для приобретения желаемой картины. Вот Сергеев и предложил мне стать представителем его инкогнито, а так же ссужать ему при необходи-

мости деньги, конечно же, с возвратом. Условия сотрудничества мне показались вполне приемлемыми. Правда, я уточнил, что живопись уровня Русского музея, я оплатить, скорее всего, не смогу. Иван Александрович мудро заметил, что картины дорожают, как раз попав в Русский музей. А до этого их стоимость более или менее доступна.

Расстались мы довольные друг другом. Я проводил Ивана Александровича до улицы имени Розы Люксембург, он сказал, что дальше справится сам. Живет Сергеев где-то в районе Сенной площади – это совсем рядом, и он с удовольствием прогуляется пешком. Я же поймал извозчика и домой поехал.

Утром следующего дня, пересказывая Михаилу наш разговор с Сергеевым, я опять засомневался – смогу ли быть посредником в живописи. На что Михаил невозмутимо заметил: «Не справишься, так хоть с художниками пообщаешься, культурный уровень повысишь, опыта наберешься». Ему некогда было заниматься моим психоанализом, он пошел готовить заявку для Сергеева на электрические приборы. Действительно, что это я? Есть дела поважнее. Я собрался и поехал в мастерскую к Лихтерману, надеясь, что его работники сделали первые образцы муфты. Сомневаюсь, конечно, но Лихтерман так планировал и обещал.

Никогда не думал, что неделя может быть такой долгой. Пока занимаешься делом, кажется, что все, как всегда,

но стоит на минуту отвлечься, и ты понимаешь, что время никуда не торопится. Приходят и уходят какие-то люди, одни торопятся, суетятся, другие, наоборот, присаживаются покурить, поговорить. Старый «Студебеккер», приписанный к конторе «Жилкоммунхоза», понуро стоял три дня напротив моего склада у мастерской товарищества Мокрушина, ожидая ремонта. Для него время остановилось еще десяток лет назад, если бы только ни назойливые служащие, вынуждающие его время от времени катиться по мостовой по своим незначительным делам. В четверг его, наконец, затолкали внутрь работники мастерской. В пятницу «Студебеккер» выехал самостоятельно и попыхтел вниз по улице.

И вот настала суббота. Я вновь собираюсь к профессору Северскому. При этом понимаю, что иду в гости не только к профессору, но и к Леночке Северской. Что-то я разволновался, как гимназистка. Нужно ли взять с собой какой-нибудь гостинец, или же подарков в первый раз было достаточно? Может нужно как-то одеться по-особенному? А как я был одет в прошлый раз, будучи у них в гостях? И ведь посоветоваться не с кем, Наталию Петровну ни в коем случае нельзя к этому привлекать. Хотя о гостинце спросить можно.

За завтраком, поговорив с Наталией Петровной о разных хозяйственных делах, я с деланным равнодушием спросил:

– Наталия Петровна, сегодня к обеду иду к Владимиру Николаевичу Северскому поговорить о бумагах, вот только

не знаю – нужно ли брать какие-нибудь гостинцы для него, для его семьи?

– Павел, если вас пригласили к обеду, а не просто на разговор с профессором, то вы – гость семьи. Значит, нужен какой-то небольшой гостинец, подходящий для всей семьи. Возможно, печенье или фрукты. Хорошо будет – баночка икры. На улице сегодня сухо и жарко, непременно наденьте светлый костюм. Туфли кремовые, сорочку лучше белую. Галстука не нужно. Я схожу в бакалею, куплю вам гостинец для Северских.

Наталия Петровна, как хороший военный тактик, начальник штаба, мгновенно оценила диспозицию, наметила основные направления приложения сил, обозначила фронт и начала готовить тылы: «Мы, кстати встречались на неделе с Марией Андреевной, она очень хорошо отзывалась о вашем визите. Круг общения у профессора в его университете достаточно ограниченный, а уж у Марии Андреевны и того меньше. Поэтому знакомство с вами им и интересно, и приятно. Вас сегодня будут очень ждать». И последний тактический ход Наталии Петровны: «Леночке вы тоже очень понравились».

Не дав мне достойно ответить, Наталия Петровна встала из-за стола и начала собирать посуду, опять вернувшись к обсуждению хозяйственных проблем. Половина дня до обеда прошла в беспрестанной борьбе. Я боролся с собой, чтобы не думать о визите к Северским. Точнее, думать о ви-

зите к Северским, как о предстоящей встрече с профессором, а не с его дочерью. Наталия Петровна безуспешно боролась с собой, чтобы снова и снова не заводить разговор о Леночке.

Глава 6

В квартиру Северских я вошел, как робкий юноша, всеми силами пытаюсь сохранить уверенность, хотя бы на лице. Радушно улыбающийся Владимир Николаевич сразу объявил: «Павел Иванович, нам есть о чем с вами поговорить. Проходите скорей, пообедаем и после обсудим ваши документы». – «Владимир, дай молодому человеку спокойно покушать, – вмешалась Мария Андреевна, – тем более, что сегодня у нас гусь. Наши знакомые из деревни привезли. А мы с Леночкой его постарались приготовить по новому рецепту. Будем на вас, Павел Иванович, кулинарный эксперимент ставить».

Суэта и оживление в квартире Северских неожиданно успокоили меня. Пройдя в гостиную, я увидел Леночку, приветливо улыбающуюся. С удовольствием поцеловал ей руку, надеясь, что выглядело это галантно и непринужденно. За столом Мария Андреевна всячески создавала атмосферу семейной встречи с неторопливыми разговорами о вещах близких и понятных. Леночка высказала свое мнение о книге, которую я подарил ей при нашей первой встрече. Мнение, впрочем, скорей положительное, хотя не без критики. И только Владимир Николаевич терпеливо ждал окончания обеда. Наконец, был подан чай. Я, как гость, сказал вполне искренние слова о необыкновенно вкусном гусе и очень приятном обществе. Дальше профессор не выдержал и, взяв ме-

ня под руку, утянул к себе в кабинет.

В кабинете, усевшись за рабочий стол, Владимир Николаевич почувствовал себя совершенно в своей стихии. Огладив бородку, поправив очки, закурив трубку, профессор начал:

– Павел, предоставленные вами документы очень интересны как с научной, так и с обывательской точки зрения. Я бы даже сказал – с гражданской точки зрения. Во-первых, исходя из этих документов, мы можем изучить жизненный уклад старообрядческой общины в период с XVII по XIX век. Во-вторых, имеем возможность исследовать экономические отношения как внутри самой общины, так и между отдельными общинами и даже губерниями. В-третьих, ряд документов являются научной сенсацией. Я имею в виду документы, которые вы тоже выделили. Это распоряжения, приказы и прочие бумаги, помеченные старообрядческим крестом. – Профессор навалился грудью на стол и посмотрел на меня. – Полагаю, вам более интересны именно они? – Я кивнул. Профессор удовлетворенно откинулся на спинку кресла и продолжил.

– Итак, к каким выводам я пришел, касательно этих документов. На территории Среднего Урала в XVII веке существовал некий управляющий центр, находящийся в старообрядческой среде. Этот центр управлял деятельностью большинства, а возможно всех старообрядческих общин губернии. Фактически же, учитывая, что с XVII по XIX век боль-

шая часть промышленников и купцов Урала и Сибири были старообрядцами, то центр оказывал влияние на развитие всего региона как в экономическом, так и в социальном плане. Это настоящая сенсация. – Профессор очень серьезно посмотрел на меня, чтобы подчеркнуть всю значимость моей находки. Я тот час изобразил на лице понимание. Профессор удовлетворенно кивнул и продолжил. – Согласно официальной теории на Урале существовало три центра власти – Горнозаводское начальство, местное самоуправление, Церковь. Причем, согласно официальной версии, до середины XIX века Горнозаводское начальство было единственной реальной властью. Но, исходя из материалов найденного вами архива, мы видим, что существовал еще один центр власти – в старообрядческой среде, обладающий огромными возможностями. Очень интересно понять: на чем основываются эти возможности, каким образом оказывается влияние на события. Интересно узнать на какие именно события это влияние было оказано. Да, здесь непочатый край интереснейших научных исследований. – Видно, что Северский увлекся возможными открытиями и исследованиями. Подозреваю, что очень редко в руки ученых попадают такие материалы. Он перебирал бумаги из архива, мельком проглядывал их, с чем-то соглашаясь, кивал головой, что-то откладывал. Кажалось, что он позабыл обо мне. И я слегка растерялся.

На мое счастье в кабинет заглянула Мария Андреевна,
– Владимир, может быть вам принести сюда чаю? Или

у вас серьезная работа?

– Да, Машенька, не мешайте нам, пожалуйста, чаю не надо. – Владимир Николаевич вопросительно посмотрел на меня. Я неопределенно пожал плечами. – Павел тоже отказывается от чаю. Мы еще поработаем, а потом вместе с вами почаевничаем.

Мария Андреевна вышла, а профессор вдруг продолжил.

– Деятельность Старообрядческого центра велась по нескольким направлениям, потом это систематизируем, пока же рассмотрим в приближенном варианте. Политическая деятельность – думаю, что именно так это можно назвать. В архиве есть несколько документов, посвященных Гороблагодатскому железорудному месторождению, открытому в 1735 году.

Профессор посмотрел на меня строгим взглядом преподавателя.

– Павел, я сейчас буду пересказывать немного скучные исторические факты, но для лучшего понимания деятельности старообрядческого центра вам придется все это выслушать. Вы готовы?

– Да, Владимир Николаевич. До сих пор мне было интересно вас слушать. Думаю, что и дальше будет так же.

– Что ж, продолжим. – Профессор одобрительно кивнул головой. – В ту пору большое влияние в стране имели немцы, благодаря фавориту императрицы Анны – Бирону. Так вот, благодаря этому Бирону в 1739 году была

создана Берг-компания, формально принадлежащая казне. В управление компании переданы Гороблагодатские заводы Кушвинский и Верхнее-Туринский. А управлял компанией саксонец Шёмберг с командой из сорока соотечественников. Деятельность его была настолько бурной, что ему удалось потеснить англичан на мировом рынке железа. Все было бы хорошо, если бы немцы во главе с Бироном не присваивали доходы от продажи российского железа. – Северский с видимым возмущением попыхтел трубкой, выпустив ароматное облако дыма, и продолжил. – Как мы видим из бумаг, старообрядческим центром были организованы волнения на нескольких заводах против немецкого засилья. Кроме того, были подготовлены и переданы тогдашнему управляющему казенных заводов расчеты фактической стоимости железа, которую скрывали немцы от казны. Возможно, что в результате этого после смерти Анны Иоанновны Бирон был свергнут, а Шёмберг арестован, пытан и выслан из России. Еще интересный факт, который тоже можно отнести к политической деятельности центра – император Александр I, будучи в Екатеринбурге в 1824 год проездом на Березовские заводы, делал остановку в селе Шарташ. Общался с тамошними староверами, посетил две старообрядческих часовни. В Екатеринбурге, кстати, император останавливался в усадьбе Расторгуевых-Харитоновых. И сам глава семьи Расторгуев, и его зять Харитонов также являлись старообрядцами. А свита императора размещалась на подворье другого вид-

ного старообрядца – Зотова Григория Федотовича. Не сомневаюсь, что встреча старообрядцев с императором имела политические последствия. – Северский взял чистый лист бумаги и сделал для себя заметку. – Продолжим?

– Конечно.

– Поговорим о деятельности старообрядческого центра, касающейся горнорудных исследований. Это и история с Березовским золотом, найденным в 1745 году шарташским жителем Ерофеем Марковым. – Северский взял один из отложенных листов и прочитал: «Направить горщика Ерофея Маркова открыть месторождение золота близь Шарташа в направлении Становой». Другой пример, – Северский взял еще лист: «Якову Логинову собрать компанейщиков, горному делу знакомых, и следовать на озеро Иткуль. Объявить медное месторождение». – Датирован документ 1755 годом. Из этих документов можно сделать вывод, что информация о месторождениях и золота, и меди уже была известна кому-то, но объявлялась она по мере надобности. И решение об этом принимал некий центр. Здесь много таких примеров. – Северский похлопал по стопке отложенных листов. – Кроме того, развитие здравоохранения и культурно-просветительская деятельность. Именно старообрядческий центр дал указание купцу Рязанову основать городскую больницу для жителей Екатеринбурга всех сословий, купцы Казанцевы и Рязановы по указу центра основали первый городской театр, сейчас это кинотеатр «Колизей». Еще было поручение

старообрядцам Усову и Мельникову организовать книгопечатание.

– Но, если это старообрядцы, раскольники, то они должны были с православной церковью бороться. – Блеснул я эрудицией.

– Борьбу, как таковую, похоже, центр не вел. Зато есть вот такая запись, – Северский порылся в бумагах, нашел нужный лист и прочитал: «Долги Якима надобно непременно погасить, ибо деньги взяты у него и использованы на дело благое. Через Анику Рязанова деньги вернуть, дабы любопытства ненужного избежать». Запись датирована 1838 годом. Скорее всего, речь идет о Якиме Рязанове, который начал в 1818 году строительство старообрядческой церкви, а Аника Рязанов – его племянник. Но в 1824 году Яким Рязанов разорился, строительство церкви было приостановлено. Событие, на мой взгляд, очень странное, как мог разориться купец первой гильдии, являясь к тому времени неформальным лидером старообрядцев? Мне кажется, что Яким Рязанов все свои капиталы вложил в какое-то очень серьезное дело, например организация приезда императора в Екатеринбург и финансирование каких-то сопутствующих проектов. С этим вопросом нужно еще разбираться. Но на этом история с Якимом Рязановым не заканчивается. Как раз в 1838 году старообрядческий центр дает распоряжение вступить Якиме в единоверие. – Северский увидел мое замешательство и пояснил. – Это такое соглашение

между старообрядческой и православной церквями, по которому церковные службы можно проводить в одних храмах. – Я кивнул. Северский продолжил. – В это же время Аника Рязанов погашает долги своего дяди. Возобновляется строительство старообрядческой, теперь уже единоверческой, церкви. В течение пяти лет с этого времени почти все представители крупнейших и богатейших старообрядческих фамилий переходят в единоверие. – Северский откинулся на спинку кресла, помассировал кисти рук и продолжил. – Тем самым, сохранив и капиталы, и влияние в городе. Все ж таки, давление на старообрядцев в то время было очень сильным. Дело доходило до абсурда, простой православный крестьянин считался более достойным, чем купец первой гильдии, признанный раскольником. В этих условиях, признав единоверие, старообрядческий центр смог сохранить свое. А про борьбу с православной церковью я материалов не нашел, но это не значит, что этого противостояния не было.

– А помощь беглым?

– Вы правы, Павел. Есть несколько документов об организации тайных скитов, о посылке проводников для беглых. Но можно ли это считать противодействием официальной церкви? Не знаю. – Северский опять взял ручку и сделал для себя пометку. Откинувшись на спинку стула, он начал барабанить пальцами по столу бравый марш. Взгляд его блуждал по кабинету, временами задерживаясь то на листке с записями, то на мне. – Из всего этого я могу сделать следующий

вывод, – Северский на мгновение замолчал и продолжил, – предположительно, в Екатеринбурге в период с XVII по XIX век существовал некий управляющий центр, действовавший в старообрядческой среде. Центр не относился к какому-то определенному старообрядческому согласию, так как его деятельность осуществлялась и в среде Белокриницкого согласия, и среди беглопоповцев, и среди Поморского согласия. Существование центра было засекречено, так как во всех известных источниках, в том числе и в ваших бумагах, Павел, о самом центре, о людях, составляющих этот орган, упоминаний нет. Узнали мы о нем только благодаря найденному вами архиву.

– Владимир Николаевич, а почему вы решили, что этот центр находился именно в Екатеринбурге? Бумаги были найдены в подвале дома в поселке Шарташ.

– Я думаю, Павел, что в поселке Шарташ, тогда еще в селе Шарташ, находился исполнительный орган Старообрядческого центра. – Профессор ненадолго задумался. – Есть несколько фактов, позволяющих сделать такой вывод. Во-первых, документы вы нашли в секретном подвале дома на Шарташе. Если учесть, что в XVIII веке Шарташская община активно занималась укрывательством беглых, о чем есть масса свидетельств, то можно утверждать, что этот секретный подвал – элемент системы конспиративных перевалочных пунктов. А значит, он мог использоваться нашим таинственным центром, который всей этой системой управ-

лял. Во-вторых, очень много событий в старовойческой среде происходили на Шарташе или с выходцами из Шарташа. Хотя на Урале было много других крупных старовойческих общин – в Невьянске, Краснополюе, Пристани, Таватуе и много где еще. В-третьих, само село Шарташ находится в очень удобном месте. В конце XVII – начале XVIII века через него проходил тракт, ведущий в Верхотурье и Ирбит. Верхотурье в то время – крупный город, духовный центр Урала и Западной Сибири, а Ирбит был знаменит своими ярмарками. Затем, когда были построены новый тракт и железная дорога, значение тракта, проходящего через Шарташ, снизилось. Но к тому времени село Шарташ оказалось центром кожевенного производства, мыловарения, салотопления. Мы с вами можем это увидеть из тех бумаг, которые описывают хозяйственную деятельность Шарташской общины. Отдельные хозяйства общины имели по нескольку сотен голов скота – это очень крупное производство. В-четвертых, многие жители села занимались торговлей, даже из ваших бумаг мы видим, что они часто оформляли подорожные документы для поездки на Ирбитскую и Нижегородскую ярмарки. Таким образом, среди торговых людей могли оказаться и люди, выполняющие специальные поручения нашего тайного центра. И эти люди вполне легально могли перемещаться по стране. Из этого я делаю вывод, что в селе Шарташ мог находиться исполнительный орган нашего секретного старообрядческого центра. – Северский вопро-

сительно, или, скорее, наводяще, посмотрел на меня.

– Вы правы, Владимир Николаевич. – Согласился я с логикой профессора.

– Вот. И вы, Павел, также думаете. Но, – профессор поднял верх указательный палец, – решения принимались людьми, которые владели большей информацией и управляли большими капиталами. Такие люди могли быть только в Екатеринбурге, деловом, коммерческом и политическом центре Урала.

– Владимир Николаевич, вы меня абсолютно убедили.

– А знаете, Павел, возможно, этот таинственный центр существует до сих пор. Почему я берусь это утверждать? В 1911 году, в сентябре, в Екатеринбурге прошел 1-й Всероссийский съезд старообрядцев. В 1918 году в Екатеринбурге находилось под арестом монаршее семейство. В том же 1918 году, когда белые ненадолго заняли Екатеринбург, было создано белое правительство, в которое входили трое старообрядцев, – Северский немного отвлекся, – не удивлюсь, если и сейчас в Советских органах власти есть старообрядцы. Так вот, вернемся к моей основной мысли, все эти события с начала века до сегодняшнего дня не могли остаться без внимания, а может и без какого-либо вмешательства нашего таинственного центра. Люди, составляющие этот центр, вышли из подполья в буквальном смысле, но продолжают вести свою деятельность тайно.

– Похоже на масонскую ложу, – заметил я.

– Нет-нет, масонская ложа – организация более открытая. Вы, кстати, знаете, что в 1914 году в Екатеринбурге была создана масонская ложа, и главой ее стал Кроль Лев Афанасьевич.

– Я не знал. В это время мне было 16 лет, и я с родителями проживал в Петербурге.

– Простите, Павел, что-то я начал слишком мудрствовать.

– Что вы, Владимир Николаевич. Наоборот, мне очень интересно. Вы мне сейчас рассказываете о той жизни, о которой я даже не догадывался. Жизнь, которую я знаю, легко увидеть в окно. Все эти артельщики, кооперативы, болты, скобы, муфты. А то, о чем говорите вы, увидеть невозможно. Это нужно прожить самому. Со стороны же это выглядит загадочно, таинственно и интригующе.

– Павел, вы все ж еще мальчишка. Большой, взрослый, но мальчишка. Постарайтесь сохранить такое отношение к жизни хотя бы лет до тридцати. Дальше семья и дети ваши взгляды на жизнь, конечно же, поправят. – Северский замолчал, задумавшись о чем-то своем. – Лучше скажите, Павел, что вы предполагаете делать со своими бумагами?

– Признаюсь, Владимир Николаевич, мне была интересна их возможная коммерческая ценность. Но после того, как вы сделали открытие на этих материалах, мне кажется правильным передать эти документы вам.

– Открытие? Пожалуй, вы правы. Но историк, да и вообще ученый, часто совершает открытия, которые требуют от-

ветственного решения – опубликовать или нет. Слишком серьезные могут быть последствия. Вот и в отношении нашего с вами открытия старообрядческого центра, мне кажется, лучше повременить с публикацией. Было бы не плохо больше узнать об этом центре. А уже после обязательно публиковаться.

– Владимир Николаевич, я не занимаюсь наукой. Публикация каких-либо материалов меня совершенно не касается. Просто я не буду никому говорить ничего лишнего. Целиком полагаюсь на ваше мнение.

– Спасибо, что вы меня правильно понимаете, Павел. А вот касательно бумаг, которые не имеют прямого отношения к центру, я вам советую передать их нашему университету. Документы интересные. Я с ними с удовольствием еще поработаю. И для вас за эту бескорыстную помощь университету, я думаю, мы сможем тоже сделать кое-что полезное.

Я завтра же поговорю с Дмитрием Васильевичем Романовским, это наш ректор, чтобы вас зачислить студентом, причем сразу на второй курс. Представлю вас как начинающего ученого, студента Петербургского университета. В этом случае Романовский не будет обращать внимание на ваше непролетарское происхождение.

– Спасибо, Владимир Николаевич. Это очень неожиданно, я даже не знаю что сказать.

– Ничего говорить не нужно. Главное не отказывайтесь от учебы в университете. Кто знает, как оно повернется в бу-

душем. Образование и Комвузовский диплом вам пригодятся в любом случае.

Я почувствовал себя слегка растерявшимся. Но Северский совершенно прав – образование и диплом мне нужны. Найденные бумаги оказались даже более ценны, чем я мог себе представить. Остался нерешенным один вопрос – что делать с архивом таинственного центра?

– Владимир Николаевич, я с удовольствием буду учиться в вашем университете. Еще раз спасибо. Но посоветуйте мне, что делать с бумагами тайного центра?

– Павел, вы их приберите. Спрячьте куда-нибудь подальше. Жизнь долгая – вдруг пригодятся. А пока, давайте попросим Марию Андреевну сделать нам чаю. Может, и они с Леночкой с нами попьют.

Для немца или француза «пить чай» – это означает просто пить чай, закусывая печеньем, или, если угодно, круасанами. Для человека, долго живущего между Балтийским морем и Тихим океаном, «пить чай» означает еще раз перекусить, может быть немного выпить чего покрепче и обязательно поговорить. Поэтому к чаю у Северских подавали курник, домашнюю буженину и вишневую наливку. Конечно, печенье было тоже.

За чаем Мария Андреевна рассказывала о своем отношении к «так называемому современному искусству».

– Я понимаю, что в стране поменялась власть, деньги, при-

знанные авторитеты, научные теории. Но это все – осознанный выбор людей. А искусство – это не осознанное. Либо тебе эстетически близко, либо нет. А то, что сейчас называют современным, пролетарским искусством – это ужасно. Ни формы, ни содержания. Только идеологическая суть. А порой, и того нет.

– Машенька, ты зря критикуешь все современное искусство. Настоящие художники продолжают творить бессмертные произведения. Но, как во всякий период перемен, появляется много людей и идей авантюрных. Некоторые искренне полагают, что эти люди и идеи несут что-то новое обществу. Должно пройти время, сформироваться соответствующая система ценностей.

– Владимир, ты всегда рассуждаешь как историк. Для тебя период времени меньше пятидесяти лет совершенно несущественен. А мне сейчас хочется читать хорошие книги о современной жизни, рассматривать новые талантливые картины, в театре на сцену смотреть с интересом, а не с содроганием. Кстати, Павел, – обратилась ко мне Мария Андреевна, – вы ходите в театр?

Вопрос прозвучал для меня неожиданно. Во время разговора Марии Андреевны и профессора я всеми силами старался не смотреть на Елену. И поэтому то и дело возвращался к ней взглядом, находя всякий раз в ее образе что-то новое, милое и привлекательное. Разговор об искусстве я слушал вполуха, полагая, что для профессорской семьи это

то же, что и разговор о погоде для семьи конторского служащего, имеющего дачу. Искусством я совершенно не интересовался. Хотя за последние дни что-то часто я сталкиваюсь с литературой и живописью. Теперь вот с театром. Но что-то нужно отвечать.

– Я, Мария Андреевна, прошу прощения, в театре не был с тех пор как вернулся из Петербурга. Здесь, в Екатеринбурге, круг моего общения очень изменился. Последнее, где я был, это в «Колизее». Смотрел кино в компании молодых людей. Им понравилось очень. Мне же кажется, что в театре действие на сцене зависит от зрительного зала. Хороший актер чувствует реакцию зала и может, изменяя нюансы своей игры, более точно соответствовать настроению зрителей. В кино этого нет. Кино навязывает зрителю свое один раз и навсегда сыгранное настроение.

– Вы рассуждаете как эстетствующий сноб, Павел Иванович. – Елена Северская со свойственной юной интеллигенции резкостью вмешалась в разговор. – Кино – самый доступный способ просвещения масс. В театр ходит очень немного людей, а для них выступают целые актерские труппы, вкуче с костюмерами, гримерами, режиссерами. А для демонстрации кинофильма достаточно темного помещения, белой стены и киномеханика с его аппаратом. Кино, а не театр и ничто другое – единственный, самый доступный способ просвещения. – Немного задумавшись, Елена вдруг посмотрела на меня и сказала – Хотя есть люди, которым все-

гда нужно чуточку больше. Наверное, вы, Павел Иванович из таких людей. Простите, если я была слишком резкой с вами.

– Леночка, – не выдержал профессор, – нужно обязательно уточнить, что кино – самый доступный способ просвещения в наше время. Ему еще нужно расти и расти, чтобы стать просветителем. Тогда как исторически самым доступным способом просвещения народа является религия.

– Папа, это время прошло. Сегодня рамки библейских заповедей стали тесны. Сегодня выстраиваются новые отношения между людьми.

– Елена, я как профессор заявляю тебе – не может быть никаких новых отношений между людьми. В истории уже все было. Даже у Карла Маркса говорится о новых производительных силах и производственных отношениях, и ни о чем другом новом. А суть библейских заповедей ты сможешь найти даже в трудах Ленина. Они могут иметь другую идеологическую окраску, но сути своей не меняют. Заповеди – это универсальный закон бытия любого человека в любом обществе. – Профессор, кажется, всерьез начал отстаивать свою точку зрения, несмотря на то, что оппонентом является его дочь.

Ситуацию нужно спасать. Мария Андреевна подумала так же.

– Елена, папа прав. Библейские заповеди – это основа существования общества и людей в обществе. Владимир, де-

вочка познает мир. Ей нужно рассказывать. Дискутировать будешь со своими коллегами и студентами. Павел Иванович, разговор про театр я завела для того, чтобы вы пригласили Леночку на какой-нибудь классический спектакль в оперный театр.

За столом стало очень тихо. Потом вдруг громко расхохотался Владимир Николаевич, а после и мы с Еленой. Мария Андреевна еще какое-то время сохраняла серьезное выражение лица, но вскоре не выдержала и тоже рассмеялась.

– Ну вот, а такая затевалась интрига, – сокрушалась сквозь смех Мария Андреевна.

– Мама, зачем эти интриги? – Елена выглядела и смущенной, и растерянной.

– Елена Владимировна, – решил я, – мне кажется, что лучшего повода пригласить вас куда-нибудь сегодня уже не будет. Мне пришла идея пригласить вас завтра на прогулку к Шарташскому озеру. У меня есть друг, Борис Лихтерман. Его дом как раз недалеко от озера. У него жена Сонечка и трое замечательных чудовищ, ни то пять, ни то десять лет прикидывающихся детьми. Борис очень просил приехать в воскресенье в гости. Вот мы и приедем. А в следующие выходные, если позволит Мария Андреевна, я приглашаю вас в театр. – При этом я старался обворожительно улыбаться хозяйке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.